

Lyudmila N. Kurbatova,
senior lecturer,
Perm National Research Polytechnic University

Institutionalization: Problems and Paradoxes

Key words: institutionalization, social institutions, institutional sociology, institutional economics.

Annotation: Institutional theory, on the one hand, is experiencing a renaissance period of its kind, on the other - is in a state of uncertainty associated with the ambiguity of interpretation of institutionalism in sociology and economics. These two sciences "fighting" for the priority position in this scientific approach, not forgetting to frame each other scientific labels and profound aphorisms. In this context, one can speak of the struggle between two titans: institutional sociology and institutional economics. However, the question arises: "How this struggle is optimal, efficient and reasonable?" Focusing on the rational choice theory, economists institutionalists go into the jungle to create "rights - economic." Sociologists, wandering through the jungle institutional sociology, created the "Man-institutional." Where then lost "Man - social", as found in this ocean of scientific passions origins "Man-wise?"

Идеологизация научного метода в социологическом анализе

Мне посчастливилось начать свою научную работу в коллективе, научным руководителем которого был один из самых замечательных, неординарных, талантливых ученых-социологов XX в. – Захар Ильич Файнбург (7).

В любой научной работе при максимуме объективности всегда присутствует аспект субъективности. В социологии этот факт имеет особое преломление через тот научный авторитет, на который ориентируется ученый - исследователь. Это связано, во-первых, с определенной долей идеологизации социальной реальности как таковой. Во-вторых, вследствие этого социология как наука о социальной реальности, социальном факте, социальном поведении, социальном действии испытывает постоянное давление социальных институтов, причем наибольшее давление оказывает институт политики. В-третьих, ученый – социолог встроен в идеологическое пространство общества, поэтому он в силу или собственных идеологических приоритетов или под влиянием внешних идеологизмов анализирует и синтезирует полученный фактический материал. Призыв Вебера, что ученый должен абстрагироваться от своих идеологических смыслов – это идеальная социальная абстракция. В-четвертых, в реальной жизни мы все вращаемся в одном турбулентном вихре, пытаюсь при этом сохранить себя в своем социально-ламинарном поле, поэтому наша практическая жизнь позволяет нам, используя возможности такой науки как социология, искать наиболее приемлемые для сегодняшней реальности социальные конструкции. В-пятых, в огромном потоке

научной литературы, эмпирических исследований мы интуитивно ориентируемся не те, которые вписываются в наше научное мировоззрение, в наши научные интересы, в наши научные идеалы. В-шестых, являясь эмпирической наукой, социология тем самым позволяет удовлетворить наши социальные потребности в поиске приемлемых моделей жизни Человека. В-седьмых, перечисленные выше субъективизмы в определенной мере оказывают влияние на неустойчивость парадигмальной картины социологии.

Институциональный объективизм и субъективизм как порождение институциональной парадоксальности

Влияние социологического знания на практику очевидно, но ведь и практика постоянно влияет на социологическое знание, так как сама по себе социология и есть наука о реальной практике Человеческой жизни. Возникает вопрос: каково соотношение этого влияния? До середины 19 века, пока не появилась социология, человеческое сообщество и человек спокойно жили без этой науки. Именно ученые, в силу своего «научного любопытства», пришли к необходимости создания новой науки, которая бы могла отвечать на те вопросы о социальном, социальной практике, на которые не смогла ответить, например, философия, политэкономия, этика и другие науки.

В современной социальной реальности, когда характер образования достиг тех высот, которые позволяют наиболее активно использовать социологическое знание в социальном управлении, социология, с одной стороны, превращается в инструмент регулирования массового сознания, с другой стороны, сама социология становится объектом политического манипулирования, так как через структуру формального образования влияет на характер науки. Когда социология не была институционализирована, она развивалась в свободном научном пространстве, она искала себя, свое место в системе наук и, в конце концов, нашла. Политизация современной общественной жизни предопределила характер современного института политики, который находится не столько в поиске социально приемлемой для человека модели жизни, сколько ищет пути сохранения существующего политического пространства в «первозданном виде». Поэтому социология становится «разменной картой» на политической сцене общественной жизни. Чего только стоят опросы общественного мнения в период выборных баталий, а их результаты поражают даже несоциологизированные умы электората.

Смешение в социологии субъективизма и объективизма порождает массу парадоксов, что пара уже парадоксальность рассматривать как одно из самостоятельных теоретико-методологических направлений социологии.

В.А. Ядов отмечает, что сама по себе научная картина мира «не является "интимной" составляющей социологической парадигмы; это скорее та самая метафизика, которая диктует образ социального и ответ на критериальный вопрос о соотношении объективных закономерностей социальных изменений и роли социальных субъектов в этих процессах» (9). При этом он дает критику современной социологии, делая акцент на понимание того, что «социальная наука во все времена существует для удовлетворения одной из важнейших потребностей — понимания

существующего общества и прогнозирования его развития. В противном случае этот социальный институт утрачивает свои основные функции и превращается в арену для состязаний в наукообразном красноречии, в беспредельный "дискурс" амбициозных субъектов, занятых демонстрацией своего интеллекта» (9).

Ален Турен более критичен при рассмотрении состояния современной социологии: «почему бы не признать, что социология была образом, созданным неким особым типом общества о себе самом, а именно, капиталистическими странами, господствовавшими в индустриальную эпоху?» (6, p.15). При этом он выделяет основные принципы классической социологии, на которые стоит обратить внимание с точки зрения данной работы. К ним он относит: «слияние некоего типа общества и «смысла истории» в понятии современного общества; отождествление социальной системы с национальным государством, в силу чего *центральное место приобретает понятие института* (курс. – мой); замена действующих лиц общества статистическими ансамблями, которые определяются уровнем или формой социального участия и знаками внутренней логики функционирования общественной системы» (6, p.12). Он подвергает критике идею общества, которая сегодня стала наиболее распространенной в науке как в социологии, так и в экономике. А. Турен считает, что «Есть три способа устранить идею общества как центральной системы регуляции институтов и поведений: считать, что действующее лицо движимо единственно поиском преимуществ или удовольствий, показывать всемогущество слепого и абсолютного порядка, наблюдать с некоторым цинизмом человеческую комедию. Закат идеи общества имеет глубокие причины. Если правда, что классическая социология возникла из соединения понятий института и эволюции, то очевидно, что нужно отнести ее кризис на счет кризиса этих двух основных понятий» (6, p.27).

Данный тезис говорит о кризисе институциональной теории в социологии.

На самом деле «институты» стали разменной монетой в политологии, праве, экономике и социологии. Каждая из наук пытается не только присвоить первенство, но и занять почетное место на Олимпе институционального подхода.

В то же время, «если физика, химия, биология облают внутренним единым парадигмальным пространством, хотя они еще сами находятся в стадии активного изменения при поиске научной истины», то обязана ли социальность иметь одну парадигмальную основу?» (3, p. 34). Поэтому А.А. Зиновьев считает: «социальные законы порождают тенденцию к одноплановой ориентации сознания и "возникают своего рода силовые линии, разворачивающие мозги людей в одном и том же направлении"» (3). Развернувшаяся дискуссия по поводу полипарадигмальности социологии, применение ее научных подходов и методов к различным социальным практикам, в которой сегодня особенно популярно институциональное направление, приводит к мысли о том, что социология и конкретно институциональная теория, если и не находятся на грани коллапса, то уж точно выступают в роли «Ивана Царевича на распутье». Такое положение обусловлено назревшими методологическими проблемами в социологии, экономике, политологии, философии, культурологии, истории.

Институциональная теория переживает сегодня одновременно два взаимоисключающих состояния. С одной стороны, она прибывает в эйфории, в которую ее ввергли экономисты. С другой стороны, тихо качается на волнах классической и постклассической социологии. Если экономисты пытаются препарировать институционализм в соответствии со своей прагматической сущностью и по своему подобию, в надежде полностью освободиться от политэкономии, то в социологии все давно четко определено. Здесь любому социальному объекту уже заранее присвоен статус социального института, а дальше, по усмотрению исследователя, под каким социологическим соусом, то есть методом, подходом, концепцией, он будет проводить анализ и синтезировать результаты.

Современные экономисты-институционалисты (5), подвергая критики классический институционализм в лице Т. Веблена, У. Митчелла, Дж. Кларк, Дж. Коммонса, склоны рассматривать homo-economics, как пешки на шахматной институциональной доске, надеясь, что хоть какую-то из них в условиях «открытого доступа» можно вывести в дамки. Шахматы конечно «умная» игра, но все-таки игра. Поэтому понимать «институты» как некие правила «игры», которым должен следовать человек-экономический в своих действиях, по крайней мере, опрометчиво, если не сказать жестче, что это опасно для здоровья и жизни самого человека. Поэтому их призыв принять всем игрокам предложенные политиками и экономистами правила игры, но при этом быть равноправными в этой игре, вызывает горький сарказм. Так как по их мнению: «С теоретической точки зрения важно четко отделить правила от игроков. Правила призваны определять то, как ведется игра. Но цель команды, которая действует по этим правилам – выиграть игру, сочетая умение, стратегию и взаимодействие игроков, пользуясь честными приемами, а иногда – и нечестными» (4, p.20).

Человек не обезьянка (!), которую можно дрессировать в угоду чьим-то интересам. «Человек-разумный» потому и «разумный», что в длительном историческом процессе своей биосоциализации, он наблюдал, накапливал опыт, знания и на себе проверял надежность различных форм жизни, то есть экспериментировал, искал, развивал себя как «Человека-социального».

Современное институциональное направление в социологии вызывает соответствующую реакцию у ряда ученых, например, П. Бурдье, Н. Лумана, А. Турена. Ален Турен связывает кризис социологии с двумя противоположными позициями, заключенными в идеи «общества». «С одной стороны, на стратегическом уровне, который представляет действующих лиц в поиске оптимальных, по возможности менее дорогих решений. Это элитистская концепция, ибо скоро выясняется, что игроки, находящиеся в наименее благоприятном положении, принуждаются к оборонительной стратегии, тогда как более сильные, или более богатые могут рисковать и проявить себя предприимчивыми и склонными к новшествам. С другой стороны, уничтожение идеи общества происходило в форме отождествления действующего лица с потребителем, стремящимся достигнуть на рынках наибольшего удовлетворения при наименьшей цене» (6, p. 26). Взаимодополнительными формами кризиса социологии, по его мнению, является то, что одна форма «представляет действующее лицо вне всякой системы, а другая —

систему без действующего лица, — есть третье течение, свидетельствующее также о кризисе классической социологии и на этот раз сводящее объяснение поведений к игре взаимодействий» (6, p.26). Далее Турен подвергает критике сам институциональный подход, в том виде, который сегодня наиболее активно продвигается в институциональной экономике. «В социальном пространстве, не организованном более институциональными и интериоризированными нормами, действующие лица становятся актерами в точном смысле слова. Они играют социальные роли, не имея потребности в них верить, они стоят друг против друга, стремясь несомненно к своим преимуществам, но часто поддерживая также отношения, основанные на недоразумении, уклонении и т. д.» (6, p.27).

Проблема выбора институционального вектора

Таким образом, институционализм стал самым востребованным научным направлением, достигнув в современной науке высот Нобелевской вершины (1). «Институт» самое популярное сегодня в обиходе слово «паразит». Его используют к месту и не к месту все кому не лень: политики, журналисты, экономисты, даже представители крупного бизнеса. Оно привычно вошло в повсеместных обиход, став уже не заменимым в научных спорах, политических дебатах, в интернете, и даже «на кухне». И все-таки в этих условиях институционалисты продолжают вертеться в колесе институционального подхода, наращивая обороты институциональности в практической жизни общества. Первенство здесь надежно присвоили институционалисты-экономисты. Недаром «Р. Холл из института Гувера выразил позицию своих коллег, заявив, что «прекращает читать любую экономическую статью, как только встречает в ней слово "социологический"» (Wall street journal, 1985)» (8, p. 29). Социологи отвечают им взаимностью, хотя в более корректной форме. Э. Дюркгейм писал: «Чтобы упростить вещи, экономисты его (человека – авт.) искусственно обеднили. Они не только абстрагировались от всех обстоятельств времени, места, страны, придумывая абстрактный тип человека вообще, но в самом этом идеальном типе они оставили без внимания все, что не относится исключительно к узко понятой жизни индивида, так что в результате движения от одних абстракций к другим у них в руках остался лишь внушающий грусть портрет замкнутого в себе эгоиста.... Представляемый в таком виде "этот теоретический эгоист", представляет собой всего лишь "абстрактное понятие"» (2, p.174).

Следовательно, институциональная теория, испытывая давление различных наук, требует как своего ренессанса, так и инновационного осмысления в условиях современного общества. От того каким научным путем будут идти институциональная социология и институциональная экономика, какой научный вектор они выберут: противоположный друг другу как социальный или экономический, или будут искать научный компромисс, который рано или поздно все равно приведет к столкновению «гигантов мысли», или объединив усилия, преодолевая антипатии друг к другу, поймут, что Человечеству нужен «Человек-социальный», «Человек-деятельный» или просто – «Человек-разумный».

References:

1. *Douglass Cecil North. [Internet] Available from: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (date accessed 03/08/2012).*

2. Durkheim E. *Sociology. Its object, method, purpose: Per. with Fr., drafting, afterword and notes AB. Hoffmann. M.: Canon; 1995; 352.*
3. Zinoviev AA. *Yawning Heights. Books 1, 2. Moscow: Publishing House of the "PIC"; Independent Publishing House; 1990; 34.*
4. North D, Wallis D, Weingast B. *Violence and social orders. Conceptual framework for the interpretation of the written history of mankind. Moscow: Publishing House of the Institute of Gaidar; 2011; 480.*
5. Rozmainsky IV. *Institutionalism: Journal of Institutional Studies (Journal of Institutional Research). Volume 2, № 4. 2010; 130-144; Volchik VV. Institutionalism: secondary new myth (possibilities and limits of institutional economics): Economic Journal, Rostov State University. 2003; Vol.1. № 1; 126-134; and others.*
6. Touraine A. *Returning the man of action. Essay sociology: Scientific World, 1998; 15.*
7. Fainburg ZI. [Internet] Available from: http://faynburg-perm.ru/people_p_2.html (date accessed 01.05.2014). *Scientific tandem Fainburg Zakhar Ilyich - Galina Kozlova: biobibliogr. decree. Perm. Reg. tehn. University, Bk, Nauch.-refs. fin.; [Comp. NV Yakshina; cons. GZ Fainburg]. – Perm; 2004; 83.*
8. *Institutional Man: monograph. Ed. Dr OV. Inshakova. Volgograd: Univ VSLGU; 2005; 854.*
9. Poisons VA. *The possibility of combining theoretical paradigms in sociology: Journal of Sociology. 2003. № 3; 5-19.*